

Вырезка из газеты СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

27 ФЕВ. 1952

Москва

Неутешительные итоги

5 Письмо в редакцию

Шесть лет назад в Москве был создан новый театр, получивший наименование Московского театра драмы и комедии. Возглавил его исполнительный артист республики А. К. Плотников. Мы, актеры, прошедшие работу в этот театр, горячо и увлеченно встретили творческую программу развернутому нашим художественным руководителем: это будет театр, прежде всего, современного репертуара, причем репертуара своего, оригинального; это будет «театр сильных страстей», острого действия, новой и четкой формы; это будет театр, посвященный актуальным вопросам нашего времени.

И, действительно, на протяжении всех этих лет наш коллектив умирно и увлеченно работал. Мы поставили 24 пьесы, 18 из которых принадлежали перу современных авторов. Театр приобрел определенную известность в столице, приобрел свой круг зрителей. Некоторые из спектаклей театра получали хорошую оценку общественности. Такими были «Народ бессмертен», «Бик закалялась сталь», «Снежная королева», «Воробьины горы», «Темной осенней ночью» и другие.

И тем не менее, подводя творческие итоги деятельности театра, в особенности итоги последнего года, несомненно остро чувство неудовлетворенности. Достигнутые результаты значительно меньше тех усилий, которые были вложены коллективом. Происходит это от того, что в нашей работе вчетверо серьезное «отклонение от той, правильной и чистой, творческой линии, которой мы следовали и вала которой, соответственно, связала с театром свою творческую судьбу.

Уже в самом стремлении театра ориентироваться исключительно на свой, отличный от других театров репертуар заключалась определенная опасность, которая постепенно дала о себе знать. Стремление к оригинальному репертуару во что бы то ни стало, боясь стать театром «второго уровня», наш коллектив пропел мимо лучших образцов советской драматургии. Мы не поставили, в частности, ни одной пьесы, удостоенной Сталинской премии. Более того, эта репертуарная линия распространялась и на русскую классику. Так, например, из всего богатейшего наследия А. Н. Островского внимание театра привлекли не «Лес», не «Бесприданница», не «На всякого мудреца...», а лишь «Шутники» и «Грех да беда на кого не живет».

Если же к этому добавить, что многие из современных пьес, поставленных нашим театром, обнаруживали свою полную художественную несостоятельность, но продолжались в репертуаре и двух-трех месяцев, то станет ясно, что наш молодой коллектив воспитывался далеко не на лучших, а большей частью просто на посредственных образцах драматургии.

Что же являлось следствием этого? Рост коллектив: мы обрели определенные сплоченные навыки, главный режиссер сумел объединить актеров, пришедших из разных театров в учебный заведений, единым творческим методом работы. Но от процесса приобретения специфических навыков отставал рост художественного вкуса коллектива. Так появились в труппе актеры, профессионально умелые, но не обладающие позитивным мастерством, высокой эстетической культурой.

Разумеется, не только выбор репертуара определял собой недостаточный рост художественного вкуса нашего коллектива. Немалую роль сыграла здесь и невысокая требовательность главного режиссера: из педагогических ли соображений или просто переоценки наших успехов, он избегал обычно прямых критических оценок работы актеров. Это дезориентировало нас, не приучало строго оценивать творчество друг друга. Так, совсем недавно актера Д. Дюрова, который, по-моему, в целом удачно сыграл роль Макарова в спектакле «Лет золотым орлом», во в исполнении которого еще имеется ряд явных недоработок. А. Плотников, выступая на работе спектакля, вызвал трепетом художником, создавшим чуть ли не шедевр А куда полезнее было бы акцентировать внимание актера на недостатках его работы!

Творческому росту коллектива мешает, по-моему, и то обстоятельство, что у нас сложилась «традиция» расценивать каждый новый спектакль, как «шаг вперед» в творческом развитии театра. Так, спектакль «Звезда Севилья», в котором ряд цен-

тральных ролей исполняется, бесспорно, на весьма среднем уровне, был расценен, как «стапный» для творчества театра. Не замечали мы и того, что, утесаясь яркостью и остротой той или иной сцены, главный режиссер и сам порой теряет чувства меры, скармливая максимум режиссерской фантазии на частности, не имеющие решающего значения для спектакля.

Приумножив успехи своего коллектива, мы постепенно перестали интересоваться достижениями других московских театров, по существу отключались, отмахнувшись от возможности издобритьной учебы у них. Недооценка положительного опыта других театров самим А. Плотниковым, его позиция — «это-де мы умеем!» — привели в конечном счете к тому, что театр фактически замкнулся в кругу своей повседневной творческой практики.

О нашем театре нередко говорят как о театре «чоловежком»; говорят и о том, что молодежь работает у нас много и хорошо. Это действительно так. Но является ли рост наших молодых актеров позитивным творческим ростом, является ли каждая новая роль ступенью к раскрытию новых граней в зарожившем артиста? В заключение, не всегда. Два года назад в театр был принят выходящий ученица им. Шуккина Н. Шашик. Он успешно сыграл роль Вилли Хауара в спектакле «Темной осенней ночью». Вместо того, чтобы рассмотреть эту роль как творческую задачу и начать глубоко и последовательно воспитывать чоловежкого актера, руководство театра стало поручать ему одну за другой центральные роли, закрывая глаза на то, что в лиц Н. Шашик вынужден был эксплуатировать свои данные и в лучшем случае повторил лишь то, что приобрел в работе над первой ролью... Не совсем правильно складывается в театре и творческая судьба молодой актрисы Т. Маховой.

Известно, что немаловажной стороной в каждой новой практике театра является работа с дублирующими составами. В нашем коллективе работа эта носит по творческий характер. Ввод актера в уже идущий спектакль практикуется у нас в большинстве случаев лишь по производственной необходимости (болезнь первого исполнителя, параллельный спектакль) и только за редким исключением служит ответом на творческую заявку актера. Естественно, что «пожарные» входы снижают художественное качество текущего репертуара.

Возникает вопрос, ставил ли перед собой наш коллектив проблемы формирования художественного вкуса, мастерства, роста молодежи и многие другие вопросы, столь же существенные для жизни театра? Ставил. Но говорили мы об этом недостаточно принципиально, аполголося; говорили, отводящая свое внимание на частности.

Все это и привело театр к тем ошибкам, которые особенно связались на нашей работе в течение 1951 года. Если в прошлые годы репертуарные задачи (спектакли «Л!»), «О самой большой любви», «Гусев, его жена и дети») были решены эстетически, не выходя из театр из нормального ритма работы, то в минувшем году именно репертуарные ошибки определяли общий итог нашей работы. Вместо запланированных пяти спектаклей мы выпустили только один. Театр обратился к фильмовой пьесе «Друг детства», принял к работе слабую, сырую пьесу «На Дальнем Севере», а совсем недавно, уже в новом, 1952 году, приступил к репетициям речемелоподической инсценировки романа «У нас уже утро».

Есть у нашего коллектива — молодого, здорового в своей основе, полного самого горячего и искреннего стремления трудиться, не жалея сил, — все предпосылки для издобривной работы. Все мы, и прежде всего директор театра А. З. Богатырев и главный режиссер А. К. Плотников, должны понять, сколь остро стоят перед нами эти вопросы. Не менее важно и та помощь, которую должно оказывать нам всеобщее Московское управление по делам искусств.

Я убежден, что принципиальная критика серьезных недостатков в деятельности Московского театра драмы и комедии послужит перестройке нашей работы, поможет нам решительно двинуться вперед.

Л. ШТЕЙНРАЙХ.

артист, председатель местного комитета Московского театра драмы и комедии.